

ВЕТЛА ПЮЛЕХА

Из путевых заметок

Перевод автора

Летняя ночь распластывалась над чувашским краем. Желтые и пепельно-серые силуэты далеких холмов и взгорий, живые темно-зеленые шатры окрестных вурманов давно уже растаяли на пурпурном фоне заката, потонули в бездонной мгле.

Густая темь подступала со всех сторон, ночной ветерок крепчал, где-то за горизонтом поигрывала зарница, а над головой, по таинственным высотам, тянулся Млечный путь — вековая птичья тропа, наполняя сердце властными, ненасытными устремлениями вперед, по неисхоженным дорогам, по неизведанным путям.

Два джигита: я — Чаган и друг Пуган — спешно шагаем домой. Мы были в городе не съезде, идем обратно и спорим.

— Что такое чувашская деревня? Петушок Ванюка перелетел во дворик шабра Вазюка, этот кинул в пернатого кавалера чушкой, ушиб одну ножку... Вы и начинаете: расхождение, борьба, «класс против класса», — укоряет меня Пуган, семена рядом короткими ножками и помахиная перед собой батожком.

— Заткни свой кувшин, пиво перебродило, довольно...

— Ведь пристают же, уклон... вы сами давно заблудились меж трех березок, гоняетесь за собственными выдумками, как лайки за своими тенями, — не унимается Пуган.

Мы уже подошли к деревне. Перепрыгнули через жердевые перекладины околицы и торопливо зашагали по улице, подумывая: ветер играет, возможна гроза, заплутаемся в поле, лучше постучаться к кому-нибудь и переночевать под крышей. То тут, то там сиротливо торчат одинокие постройки, как неубранные копны хлеба на загонах поздней осенью. Кру-

гом не слышно человеческого голоса. На разоренных усадьбах колодезные журавли свистят жалобно, печные трубы воют злобно и надрывно. Где-то далеко, по-видимому, на скворешнице, тонким голосом плачет дитя ветра, древнего многокрылого божества... Мы шагаем, охваченные необычайностью впечатлений от этой ранее знакомой нам деревни Семиизбянки. Вот и мост через речку, пересекающую деревню посередине. В лицо ударила речная сырость и запах перепревшего навоза. В сторонке, на берегу речки, лохматится низенькое строение, напоминающее баню. Мы решили пройти через мост и поискать ночлега в другой половине деревни. Но только успели мы сделать несколько шагов, как вдруг с резким шумом распахнулась дверь лохматого низенького строения, яркая полоса света перебежала и легла поперек улицы, три уродливые человеческие фигуры вынырнули из лачуги и пошли нам навстречу.

— Кто вы? Добрые ли, злые ли, стой!

— Вы нас, что ли, окликаете? Мы добрые путники, прохожие чувашки.

— С какой целью проходите? Откуда идете, куда направляетесь?

— Не сомневайтесь, братцы. Мы из Пюртияля, были в Симбирске.

— Не знаем, с какой вы целью идете, ночь темна, идем в помещение...

Подошли трое мужчин с дубинками, окружили нас и повели к строению. Вошли в помещение — оказалась не баня, а караульная лачуга.

— Что пристали к нам? Сослепу принесли, видно, за беглых али конокрадов? — бросил небрежно Пуган и поставил свой батожок в угол.

— Саламаликум, старые и молодые, будем вашими гостями, хотя и незванными, — сказал я и тоже кинул палочку в угол.

Мы сняли с плеч дорожные веще-

* Из книги «С волжских берегов». Серия «Писатели Горьковского края». Краевое издательство, гор. Горький, 1932.

вые мешки, присели на кутник, вынули трубки и закурили. Ночные пикетчики постояли, обмениваясь недоуменными взглядами, поставили свои дубины рядом с нашими ба-toжками и сели на нары.

— Садитесь, будете гостями, устали поди — прилягте и отдохните... Может, зря потревожили вас — время теперь такое, — сообщили нам наши конвоиры.

— Благодарим, братцы, нам сейчас отдых нужен, как коням сено и орлам мясо... Тронемся в путь с зарей, — ответил я, снял сапоги и повалился не раздеваясь на кутник.

Пуган снял со своих ног бахилы и носки и лег рядом со мной.

Лежу и наблюдаю за пикетчиками: люди немолодые, один уже белый, как льняная кудель, другой — с едва просвечивающей проседью, третий, видимо, в том возрасте, когда человек должен быть в полном соку. Все трое — типичные чуваши со смуглыми скуластыми лицами, с узенькими глазами, с широкими и плоскими, как лопата, носами. Старик сидит на нарах в аккуратном горном старинном сукмане, его мышинные зрачки бегают по лачуге, точно ищут что-то. Пожилой мужик спрятался в грязном дырявом азяме, накинутом на плечи, его хитрые черные глаза, окруженные красноватыми нездоровыми веками, блестят ярким огоньком, столь редким и необычным у людей, пораженных с колыбели трахомой. Третий пикетчик нервно ежится в своей старой солдатской шинели; голова и часть лица его обвязаны грязноватым полотенцем. Он трусливо высматривает кругом одним, свободным от повязки и тоже, по-видимому, больным глазом, и то и дело поправляет полотенце на лице. В избе тихо, только на печке слышны какая-то сонная возня, сопенье и храп.

Я лежал с открытыми глазами, поглядывал на нары, готовясь послушать рассказ о Кузюке, который вызвался рассказать старик. Я не знал, в чем дело, но чувствовал, что история Кузюка имеет острый, злободневный характер, и меня больше всего интересовало, как расскажет ее старик-сказочник, представитель старой, умирающей деревни, человек отживающего мировоззрения.

Старик рассказывал:

— В краю неизвестном, а может, и знакомом, стояла деревня Семидворики, заложенная, как все старинные чувашские деревни, на костях убитой собаки. Было это не далеко и не близко, как раз там, где сказка сказывается. Было это не давно и не теперь, как раз до того, как сложилась сама сказка... Было это давно, тогда, когда на свете еще не родился сказочник, ваш покорный слуга. Тетка Ухвин пошла полоть на пчельнике репу, была она на сносях и, соблюдая вековечный закон, приписанный самкам, легла под тенистой листвой священного дерева и родила сына Кузюка, что значит «глазастый». Кузюк рос беззаботным джигитом, пока в один черный день не скатилась над Семидвориками большая звезда. В избе собрались все старики деревни, отец Лерук лег на нары умирать, подозвал к себе Кузюка и сказал, благословляя:

— Береги дом в порядке, дедова и моего благословения не теряй, честь рода соблюдай, не позволяй чужим ногам топтать землю под священным деревом, для меня и прочих предков ежегодно режь жеребенка и вари сорокаведерную бочку пива.

Лерук-старик умер, Кузюк же устроил большие поминки на всю округу и зажил самостоятельной жизнью... У Кузюка родилось трое сыновей: Тябук, Талук и Тазюк — один лучше другого. Сыновья росли, как молодые дубки, требуя обилия пищи, света и тепла. Но в доме Кузюка их не прибавилось, а становилось все меньше и меньше, в чем и суть всей этой истории, — сказал старик, запнулся и замолчал.

— Просто расскажи, не мудрой, не выйдет так, — пробасил мужик в азяме, как-то сосредоточенно оглядывая окружающих и нервно покуривая трубку.

— Да не сказом, а просто передай, как было, — сказал нетерпливо Пуган.

Старик поморгал часто и продолжал:

— Да, трудно здесь мудрить, передам по-простому, по-житейски. Дело, значит, идет все на убыль: скотина падает от мора, посевы сгорают от засухи. Усадьба Кузюка стареет, обновить ее нет сил. Рыбное озерцо засохло, омшанник завалился, священное дерево сгорбилося и

вот-вот свалится. Кузюк живет на старый лад: промышляет только посевами, торговать не умеет. Тут еще судьба играет им, как речка играет иногда своим руслом и берегами. Правду сказать, речка и сыграла с ним злую шутку. Она испокон веков журчит, разрезая Семидворики пополам, как каравай хлеба на две краюшки. Но она из года в год стала менять течение и по веснам сносила мельничный пруд. Хозяин мельницы Нямук — сильный человек: амбары у него полны хлеба, в сараях его машины и немецкие орудия труда. «Мельницу нужно перенести на усадьбу Кузюка — тут изгиб, пруд будет держаться без особого укрепления», — говорят все, кто понимает толк в этих делах. Ну и начал Нямук добиваться, чтобы захватить усадьбу Кузюка. Десяток лет шел спор, поили народ, скандалили, ходили по судам. Кузюк разорялся, беднел, но не сдавался, хотя и знал старое правило: «С богатым не борись, с сильным не судись». Кузюк жил в избе со старухой и бедствовал, храня заветы отцов и дедов, а сыновья начали промышлять на стороне кто как мог. Тут Семидворики постигло невиданное несчастье. Загулял по деревне злой бог Великий Хаяр...

— Дедушка, а дедушка, не злое божество, а сила человеческая — сила бедноты и всяких трудящихся, — пропищал голос из-за печки. Старик остановился, отдышался, безучастно посмотрел в сторону печки и спокойно сказал:

— Ну пусть будет по-вашему, передаю как могу... Так вот заходил денно и ночью по деревне Великий Хаяр. Он захочет — покажется на глаза, не захочет — спрячется, задумал смутить — в душу лезет, задумал напугать — во сне представится. С утра до вечера ходит по деревне, сегодня он показался пастухом, завтра покажется прохожим молодым из города. Он бывает везде: на работе, посиделках, гулянках. Ну и поднял Великий Хаяр всю деревню вверх тормашками. Разбил вековые обручи, порвал пояс на теле народном, развеял в прах благословение отцов, заветы рода. По Семидворикам пошла великая молва, она кружится бурей, пылает огнем. Два друга пляшут — не верьте: один пля-

шет, другой пол подметаает; два брата орехи грызут — не верьте: один ядрышко глотает, другой скорлупу убирает. Кто был внизу — пусть поднимется наверх, кто был младшим — пусть станет старшим, кто был голодным — пусть станет сытым, кто был родным — пусть станет чужим... Буря раскидала Семидворики на три части. Беднота, середняки и молодежь ушли в коммуну на Барсуковой плешине; народ посостоятельней отрезал землю пониже мельницы, а кто по старинке и среднему достатку — такие, как мы, здесь сидящие, — остались на старом месте. Кузюк тоже, конечно, остался с нами, на корнях, завещанных дедами. Но не было у него лада в доме: младший сын Тябук ушел в коммуну, средний — Талук тянул туда же, а затем уехал на завод в каменный город, называемый порусски Нижний. Старший — Тазюк, хотя и остался, но все пытался пристать к состоятельным. Он хотел продать усадьбу, переселиться в построенную нарочно богачом Нямук избу на гуменичке, прирезать наделы к зажиточному обществу. Но Кузюк не соглашался на это. Он говорил, что коммуна у него просит усадьбу для артельной мельницы и что он скорее согласен отдать ее коммуне, чем позволить Нямuku хозяйствовать на его родовой земле. Говорят, Кузюк почти уже согласился было на уговоры сына Тябука поступить в коммуну на Барсуковой плешине. Но однажды постучался к нему караульщик Шакур и сказал: «Дело твое плохо: Тазюк продал усадьбу за триста рублей. Нямук угощает все общество, договор подписали, печать приложили». Кузюк выбежал из избы с пилой, обежал усадьбу кругом, остановился и начал пилить священное дерево. Шакур видел это и не понимал, почему тот пилит в ночное время дерево. Он же издали видел, как пьяная ватага бежала на усадьбу Кузюка из дома Нямук и злобно кричала: «Тябук и другие собаки приехали, Кузюк поступил в коммуну, хотят показать, что они не пустят Нямук в усадьбу, что плюют на договор с состоятельным обществом!». Кузюк пилил, не замечая, как к нему подбираются люди. Он спилил дерево, оно свалилось с треском, и Кузюк свалился

также. Он упал под ударом дубины. Убил его собственный сын Тазюк, который теперь говорит, что сделал это по ошибке, приняв Кузюка в темноте за брата Тябука. Но кто тут поймет и рассудит? Кузюк однако больше не встанет, и мы вот ночь не спим из-за него: ведь мы на карауле над его трупом, — сказал старик, вынул изо рта трубку и застучал ею по нарам, выбивая пепел.

— Как? Неужели над трупом? — испуганно и наивно воскликнул Пуган, вскочил и заходил по лачуге.

Я сел на кутник и начал натягивать сапоги, решив, что нам уже пора трогаться в путь. В этот момент сверкнула молния, и гром ударил где-то поблизости. Лачуга затряслась от грохота и треска. С печки слетели трое ребят — смуглые и скуластые чувашлята-подростки. В дверь застучали, и кто-то крикнул сердито:

— Что, заснули? Выходите на черед, мы вымокли до нитки!

Мужики и ребята мгновенно собралась и стали один за другим выходить на улицу.

Я забросил за спину мешок, взял палку и проворно вышел вдогонку за стариком.

Ветер дует порывисто. Жидкие облака бегут торопливо, на востоке

сереет заря. Я шагаю по грязи и лужам. Пуган догнал меня, мы держим путь прямо. Слева, вдоль речки, виднеется плетневая изгородь, качаются невысокие лохматые деревья, мелькают человеческие фигуры...

— Что, дружище, пойдём посмотрим, как там лежат на земле ветла Люлеха и внук Тимряся-бая — Кузюк? — спросил я полушутливо у Пугана, показывая в сторону изгороди.

— Нет, давай шагать дальше... Но вот я позабыл надеть один носок, не вернуться ли мне обратно? — бормотал он, подпрыгивая на ходу.

— Пусть останется на память о тебе, — засмеялся я и, насмешливо посмотрев на Пугана, добавил: — Что такое чувашская деревня? Петушок Ваниюка перелетел во дворик шабра, а вы говорите — классовая борьба... Если бы ты послушал рассказы коммунаров на Барсуковой плешине — позабыл бы наверняка и брюки.

— Айда, айда, шагай, далеко еще до дому, довольно болтать, — отвечал Пуган смущенно.

Утренняя заря разгоралась, жидкие облака бежали и таяли на синем небе, а перед нами еще лежал далекий путь.